

О ПРИЗВАНІИ КЪ ПАСТЫРСКОМУ СЛУЖЕНІЮ ¹⁾.

Дабы законно принять на себя священный санъ, необходимо призваніе свыше и когда есть призваніе свыше, тогда отказываться отъ званія, къ которому влечетъ это призваніе, будетъ дѣломъ небогоугоднымъ. Въ настоящее время, призваніе свыше къ священному сану такъ таинственно и такъ многообразно, что нѣкоторые сомнѣваться себѣ позволяютъ, существуетъ ли оно дѣйствительно. Существо дѣла требуетъ доказать, что оно не только существуетъ, но необходимо должно существовать, что безъ призванія свыше не можетъ быть истиннаго и законнаго священства. Но прежде чѣмъ приступить къ этому, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что мы разумѣемъ подъ призваніемъ вообще. Слово это нѣкоторымъ образомъ само себя объясняетъ. Въ жизни обыкновенной призываетъ одинъ другого съ одного мѣста на другое и для известной цѣли, хотя бы самой маловажной. Подобнымъ образомъ говорится о Богѣ, что Онъ міръ этотъ призвалъ изъ небытія къ бытію,—и призвалъ для известной цѣли. То призваніе существъ, которое обнаружилъ Богъ въ дѣйствіяхъ творенія, еще яснѣе открываетъ Онъ въ дѣйствіяхъ Своего промысла о мірѣ. Не трудно примѣтить, что каждая вещь въ мірѣ получаетъ свое мѣсто по мановенію Промысла. То самое дѣйствіе Промысла, которое даетъ каждой вещи въ мірѣ и каждому живому существу свое мѣсто и свое назначеніе, и есть призваніе свыше, въ обширномъ смыслѣ этого слова. По различію пріемлемости

¹⁾ Изъ лекцій по пастырскому богословію *Сергія Митрополита Московскаго*.

великихъ и малыхъ, разумныхъ и неразумныхъ существъ, наполняющихъ міръ, призваніе это открывається двоякимъ образомъ. На вещи неодушевленные оно дѣйствуетъ орудіемъ физической необходимости, силою постоянныхъ и общихъ законовъ, въ слѣдствіе чего никакая вещь въ мірѣ уже не можетъ выдти изъ тѣхъ границъ, въ которыя заключилъ ее творческій Промыслъ, призвавшій ее въ извѣстный видъ бытія, и нужно новое призваніе со стороны Промысла, согласное съ уставленными Имъ же законами, чтобы бытіе вещи видоизмѣнилось. Не то въ царствѣ свободы. Здѣсь образъ бытія гораздо многосложнѣе, чѣмъ въ царствѣ необходимости, кругъ дѣятельности существъ обширнѣе и ихъ удопріемлемость острѣе, а потому и призваніе свыше не скрывается болѣе подъ покровомъ необходимости, но дѣйствуетъ силою совсѣмъ другихъ убѣжденій. Главная цѣль бытія указана ясно всѣмъ разумнымъ существамъ въ мірѣ и призваніе къ этой цѣли вложено въ самой ихъ природѣ. Но такъ какъ пути, ведущіе къ главной цѣли бытія, многоразличны по различію самыхъ существъ разумныхъ; то чтобы каждый избиралъ себѣ болѣе свойственный себѣ путь, для этого нужно особенное указаніе со стороны Промысла, бдящаго и пекущагося о судьбѣ всѣхъ и каждаго. Къ тому же конечно направлено и то многоразличіе и неравенство способностей и талантовъ, которыми люди разнятся между собою отъ природы. Такъ, въ области изящныхъ искусствъ призваніемъ называется именно присутствіе въ душѣ особеннаго таланта, который внутренно и неопределимо влечетъ ее къ творчеству въ томъ или другомъ родѣ. Тоже и въ царствѣ благодати. Это многообразное раздаяніе даровъ духовныхъ, столь обыкновенное въ первенствующей церкви, было ничто иное, какъ ясное призваніе къ тому или другому служенію въ Церкви. Но такъ какъ многіе, хотя и чувствовали въ себѣ внутреннее призваніе, но приводимые въ страхъ высокою и трудностію долга, къ которому призываемы были, хотѣли уклониться отъ него; то нерѣдко Богъ употреблялъ и непосредственное внѣшнее призваніе къ служенію Себѣ. Хотя нынѣ тотъ и другой родъ призванія прекратился, тѣмъ не менѣе самое призваніе къ законному служенію въ Церкви остается необходимымъ. На эту необходимость, какъ мы уже видѣли, указываетъ поря-

докъ цѣлаго міра, гдѣ все призывается Промысломъ къ своему мѣсту и къ своей частной цѣли бытія. Но кромѣ того въ необходимости такого постоянного призванія убѣждаютъ насъ и другія причины. Укажемъ здѣсь на важнѣйшія изъ нихъ.

Такъ какъ служеніе священства есть служеніе, основанное единственно на Откровенномъ ученіи, то и законъ, на основаніи котораго желающіи могъ бы принять на себя св. служеніе, долженъ быть совершенно согласенъ съ Откровеннымъ ученіемъ. Что же въ отношеніи къ преемству св. званія узаконилъ Богъ въ Св. Писаніи? Здѣсь ясными словами начертанъ въ этомъ отношеніи одинъ непреложный законъ, именно, что *„никтоже самъ о себѣ приѣмлетъ честь священства, но токмо званнй отъ Бога, якоже и Ааронъ“*. Когда сказано—*„токмо званнй отъ Бога“*, этимъ ясно показывается необходимость на всѣ времена призванія свыше, подъ условіемъ котораго только и можно получить священный санъ; а когда присовокуплено—*„якоже и Ааронъ“*, этимъ опредѣлительно внушается, что призваніе къ священному сану должно быть не мечтательное и только мнимое, а законное, основанное на ясныхъ признакахъ особеннаго произволенія Божественнаго. Исторія священства, сохраненная Св. Писаніемъ, хорошо показываетъ, какъ строго соблюдаемъ былъ законъ призванія къ священству. Сословіе Левитское было вѣковымъ свидѣтельствомъ важности этого закона, а дѣйствія и устачовленія Пастыреначальника Иисуса показали, что важность его непреложна. Много было у Него учениковъ и послѣдователей, но изъ среды ихъ Онъ Самъ избралъ не болѣе 70-ти, облекши ихъ званіемъ апостольства. А чтобы въ самомъ началѣ христіанскаго священства отклонить всякое вмѣшательство самомнѣнія и самочинія, Онъ прямо сказалъ новоизбраннымъ апостоламъ, что не они Его избрали, но Онъ ихъ избралъ. Первые пастыри Церкви, въ примѣръ послѣдующимъ, всегда сознавали и открыто исповѣдывали свое призваніе свыше, подобно Ап. Павлу, который въ многихъ мѣстахъ своихъ посланій свидѣтельствуешь, что онъ по волѣ и по призванію Божію получилъ честь апостольства. Желая оградить и предохранить отъ нарушенія этотъ порядокъ, Спаситель угрожаетъ именемъ и безчестіемъ татя и разбойника тому, кто самозванно, а не за-

конною дверію, входитъ во дворъ овчій съ значеніемъ пастыря, и въ себѣ самомъ устроилъ эту твердую и несокрушимую дверь, которую „*еще кто увидетъ*“, тотъ только „*спасется, и увидетъ и изыдетъ и нажитъ обрящетъ*“. — Далѣе призванія свыше требуетъ самая важность служенія пастырскаго. Если Промыслительное попеченіе, все устрояющее въ видимомъ мірѣ, и осязательно дѣйствующее предъ нашими очами, не позволяетъ сомнѣваться, что самая малая вещь въ составѣ вселенной призывается свыше къ своему мѣсту и значенію; то странно было бы думать, чтобы Богъ хотя на минуту отдалилъ свою десницу отъ тѣхъ замѣчательныхъ случаевъ, которые преимущественно важны для славы Его и спасенія людей. Когда дѣло идетъ о томъ, образовывать ли сосуды чести или оставить сосуды безчестія; даровать ли слѣпымъ вождей или подчинить ихъ водительство слѣпоты; утвердить ли для слабыхъ подпоры или лишить ихъ лучшаго подкрѣпленія; дать ли невѣждамъ наставниковъ истины или учителей лжи; послать ли грѣшникамъ истинныхъ отцовъ или осудить ихъ на душепагубное сиротство; постановить ли вообще для всѣхъ христіанъ добрыхъ пастырей или покорить ихъ властительству жестокихъ приставниковъ, — когда представимъ мы все это, неволью мысль наша обращается къ Промыслу, который одинъ все можетъ къ общему благу устроить, „*да избретъ Самъ Господь, какъ древле для народа своего, человека надъ сонмомъ рабовъ своихъ, иже изыдетъ предъ лицемъ ихъ, и да не будетъ сонмъ Господень, якоже овцы не имуща пастыря*“. Пастырь долженъ бесѣдовать съ паствою отъ лица Божія: но кто кромѣ посланнаго Богомъ, имѣетъ право глаголатъ Божія глаголы? Пастырь долженъ умолять Отца щедротъ о помилованіи его народа, „*долженъ, по апостолу, якоже о людехъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи*“. Но будутъ ли его молитвы и ходатайство за другихъ дѣйствительны, если онѣ неприяты Тому, Кому возносятся? А можетъ ли Богъ съ благоволеніемъ пріять приносимое отъ того, на кого Самъ Онъ не возлагалъ права приближаться къ престолу благодати и обязанности ходатайствовать за другихъ? Но кромѣ того, что обязанности священныя весьма важны и требуютъ посему особеннаго посольства отъ своихъ исполнителей, онѣ чрезвычайно трудны, — и съ этой стороны также предполагаютъ особенную посто-

роннюю помощь. Какъ же можетъ ласкать себя надеждою на полученіе даровъ священства тотъ, кто приступаетъ къ священству, не получивъ на то призванія отъ Бога, который соразмѣряетъ дарованія съ тѣмъ состояніемъ, какое каждому указываетъ избирать? Богъ оказываетъ свою помощь только тому, кого Самъ призываетъ на многотрудное поприще служенія Пастырскаго: Его выборъ нѣкоторымъ образомъ уже ручается за Его помощь. Но какое право на такую помощь могутъ имѣть тѣ, которыхъ Онъ не призывалъ, которые не дверію входятъ во дворъ Его, но вторгаются туда противъ Его воли. Ужели можно и небогохульно желать, чтобы милость Божія была наградою за своеволие и самозванство?—Наконецъ, въ необходимости Божественнаго призванія къ свящ. сану увѣряетъ насъ и злощастная судьба тѣхъ, которые святотатственно присваиваютъ себѣ право священнаго служенія. *„Не сихъ избра Богъ, говоритъ пророкъ, ни пути хитростнаго даде имъ, и погибоша, занеже не имѣша мудрости, погибоша за безсовѣтіе“*. Несчастливы тѣ люди, которые присвоиваютъ себѣ церковныя должности, не пріавши на то никакого права, которые *„рекли сами себѣ: да наслѣдимъ себѣ святилище Божіе“*. Они забываютъ, что Самъ Богъ сказалъ: *„отъ святыхъ моихъ убойтеся; Азъ есмь Господь“*. Слова сіи относились къ святилищу, которое имѣло только прообразовательное значеніе, — и однакоже они сопровождались страшными наказаніями за своевольное прикосновеніе къ святынѣ. Гибель Надава и Авіуда, смерть Озы, проказа Озін суть печальные памятники гнѣва Божія за самозванное служеніе В.-Завѣтному святилищу. А что значать всѣ эти вины въ сравненіи съ виною похитителей священной власти въ Церкви Христовой? Какой же казни должны ожидать себѣ самозванные похитители даровъ Н.-Завѣтнаго священства? Не къ нимъ ли преимущественно относятся страшныя слова Спасителя: *„Всякъ садъ, его же не насади Отець Мой Небесный, искоренится“*.

Но если столько необходимо избраніе свыше къ свящ. сану, то для чего Богъ прекратилъ свое непосредственное призваніе къ нему, столь обыкновенное въ древнія времена, для чего уничтожилъ и скрылъ ясныя и чудодѣйственные дары благодати, бывшіе для первыхъ христіанскихъ пастырей ясными знаменіями небснаго призванія? Непосредственное

призваніе много возвышаетъ достоинство пастыря; а особенныя дары благодати много бы облегчили многотрудное его служеніе. Чтобы разъяснить это недоумѣніе, мы должны обратиться къ тѣмъ временамъ, когда нерѣдко повторялось непосредственное избраніе въ свящ. санъ, и когда не въ мѣру изливались дарованія духовныя. Богъ тогда избиралъ непосредственно и посылалъ особенныхъ чрезвычайныхъ проповѣдниковъ воли своей, когда производилъ въ Церкви или въ которое преобразование, или хотѣлъ сообщить истины, которыя дотогѣ были не извѣстны, но содѣлались нужны по измѣнившемуся состоянію членовъ Церкви. Послѣ нарушенія человѣкомъ завѣта дѣлъ, Самъ Богъ былъ для него проповѣдникомъ завѣта благодати. При затмѣніи естественнаго закона и вѣры послѣ потопа, Богъ непосредственно избираетъ Авраама, назначивъ его необычнымъ проповѣдникомъ воли своей и отцомъ вѣрующихъ. Затѣмъ, когда церкви нужно было дать новый образъ бытія, Богъ воздвигъ Моисея, *„прославивъ его предъ лицомъ царей, показавъ ему славу Свою, и давши ему заповѣди, еже научити Иакова завѣту и судьбамъ Его Израиля“*. Далѣе, соотвѣтственно нуждамъ церкви являлись пророки, какъ непосредственные посланники Божіи, а когда нужды эти прекратились, когда слово пророковъ пришло въ надлежащую полноту и ясность, они болѣе не появлялись. Подобнымъ образомъ І. Христосъ избралъ новыхъ чрезвычайныхъ посланниковъ, чтобы они возвѣстили роду человѣческому тайну, сокровенную отъ вѣкъ и родовъ. Когда же гласъ ихъ разнесся по землѣ и вѣра христіанская глубоко утвердилась; тогда вмѣстѣ съ званіемъ апостольскимъ прекратилось и непосредственное призываніе служителей Слова. Никакого новаго обстоятельства, которое бы требовало въ Церкви новаго чрезвычайнаго посланничества, мы не можемъ указать въ настоящее время. Нынѣ Церковь получила совершенное благоустройство. Вѣра непоколебимо утверждена въ главныхъ основаніяхъ и раскрыта въ существенныхъ принадлежностяхъ; потому и посланники Божіи нынѣ нужны не для новыхъ чрезвычайныхъ открытій, а для руководства неопытныхъ членовъ Церкви по пути уже предложенному и опредѣленному. А отсюда какъ въ средствахъ спасенія до нынѣ господствуетъ духъ древняго тождества и единства: такъ и образъ посланія руководителей душъ ко

спасенію нынѣшнему времени приличествуетъ не чрезвычайный, а подчиненный условіямъ естественнаго и постояннаго теченія дѣлъ въ Церкви Христовой.—Что касается до чрезвычайныхъ даровъ благодатныхъ, то Богъ не расточаетъ ихъ безъ особенныхъ и важныхъ причинъ. Древняя Церковь изобиловала чудесными явленіями Духа; но на то были свои причины. Всѣ духовныя дарованія нужны были тогда для засвидѣтельствованія Божественности новой христіанской религіи. Даръ исцѣленій способствовалъ къ тому, чтобы расположить сердца къ принятію кроткихъ вліяній благодати; способность говорить на многихъ языкахъ открывала путь вѣрѣ христіанской во всѣ концы земли; даръ истолкованія Писаній служилъ къ изъясненію Ветхозавѣтныхъ предсказаній о І. Христѣ, и къ убѣжденію не только Іудеевъ, но и мудрѣйшихъ язычниковъ. Въ настоящее время всѣ такія дарованія, какъ внѣшнія средства къ расширенію благодатнаго Царства, не имѣли бы полного приложенія. Нынѣ вѣра глубоко укоренилась,—и все должно войти въ обыкновенные предѣлы и естественные. Какъ существо вѣры составляетъ истинное ученіе и истинно-нравственная дѣятельность, а не чудеса и знаменія; такъ и въ пастыряхъ Церкви нынѣ требуются не чрезвычайныя дарованія, а сила ума и чистота сердца. Кромѣ того нужно замѣтить, что и во время чудесныхъ изліяній благодати были лжепастыри, отъ которыхъ предостерегали І. Христосъ и Апостолы; слѣдовательно, и самыя чудесныя дарованія требуютъ тонкаго различенія и не всегда могутъ быть признакомъ чистаго призванія благодатнаго. Наоборотъ, прекращеніе дарованій чудодѣйственныхъ отнюдь не можетъ служить знаменіемъ того, что будто теперь уже уничтожилось призваніе свыше къ священному сану.

Итакъ—съ одной стороны мы видимъ, что призваніе къ священному сану непрерывно продолжается и до нашихъ временъ, но съ другой увѣряемся, что нынѣ нельзя ожидать тѣхъ чудесныхъ призваній, какія часто слышимы были въ древней Церкви. Между тѣмъ для вступающаго въ священныи санъ есть первая и существенная обязанность испытать: законно ли онъ призывается къ нему. *„Не бывайте немысленни, говоритъ апостоль, но разумѣвайте, что есть воля Божія“*. Это главное правило, которое должно имѣть въ

виду при всѣхъ дѣйствіяхъ, преимущественно надлежитъ памятовать, когда приступаемъ къ важнѣйшему дѣлу, отъ котораго зависятъ всѣ другія дѣла и состоянія наши, служенію вѣрѣ и Церкви.

Какъ легко впасть въ погрѣшность касательно призванія или непризванія къ священному сану, это показываютъ печальные опыты людей, которые или приступаютъ къ священству безъ всякихъ опредѣленныхъ признаковъ призванія къ нему, или удаляются отъ него, искусительно ожидая отъ Господа, чтобы Онъ явилъ необычайные признаки призванія. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ, которые злонамѣренно и святотатственно восхищаются чести пастырскаго служенія: ихъ „*кончина—погибель, ихъ слава въ студѣ*“. Сколько встрѣчается въ православной Церкви такихъ пастырей, которые, необдуманно принявъ на себя служеніе Церкви, оказываются невѣрными своему назначенію. Такіе люди сами иногда сознаются, что они ошиблись въ выборѣ званія, легкомысленно принявъ за голосъ призванія то, что въ ихъ жизни имѣло совсѣмъ другое значеніе или совсѣмъ не употребивъ никакого предварительнаго испытанія и размышленія. Слѣдствіемъ такой неосмотрительности бываетъ не рѣдко и то, что безъ призванія принимающіе на себя санъ священныи предаются сожалѣнію о прежнемъ состояніи и рѣшаются на снятіе съ себя сана. Совсѣмъ другого рода люди, которые противятся призванію свыше и, скажемъ выраженіемъ Писанія, дерзаютъ возбраняти Богу въ раздаяніи даровъ священства. Одни изъ нихъ оказываютъ непослушаніе обыкновеннымъ видамъ призванія, или малодушно боясь трудностей священнаго сана, или предпочитаютъ выгоды мірскія достоинству его, а другіе дерзаютъ даже презирать обыкновенныя средства призванія, не довѣряя ихъ Богоутвержденной законности. Первые могутъ встрѣтиться вездѣ; послѣдніе составляютъ изъ себя отдѣльныя христіанскія общества. напр. Квакеры. Впрочемъ печальные опыты того, какъ люди, и даже цѣлыя общества могутъ заблуждаться касательно призванія свыше къ свящ. сану отнюдь не служатъ доказательствомъ, что будто уже совсѣмъ невозможно предохранить себя отъ подобныхъ ошибокъ, а напротивъ служатъ побужденіемъ къ признанію средствъ противъ опасности подобнаго рода заблужденій. Повелѣвая

повиноваться своей волѣ, Богъ далъ намъ вѣрныя средства познавать ее. Есть признаки, по которымъ можно отличить голосъ истины отъ голоса лжеучителей; есть также признаки, по которымъ можно узнать, кого Богъ призываетъ къ священному сану или кого отклоняетъ отъ него. Всѣ знаки, которыми Богъ возвѣщаетъ избраннымъ къ священному сану, исчислить невозможно, потому что они бесконечно разнообразятся по различію внутреннему или внѣшнему лицъ, предназначаемыхъ къ этому сану, отчего иногда то самое, въ чемъ для однихъ слышался голосъ, призывающій на новое поприще, для другихъ открываетъ волю Божию, удаляющую ихъ отъ св. служенія. Мы принимаемъ на себя обязанность указать только главные и болѣе общіе признаки избранія свыше въ свящ. санъ, и раздѣляемъ ихъ на внутренне и внѣшніе: первые можетъ извлечь каждый самъ изъ разсмотрѣнія своей жизни и внутренняго состоянія; послѣдніе открываются изъ распоряженій церковной власти.

Первымъ внутреннимъ признакомъ призванія свыше къ свящ. сану можно поставить врожденную склонность къ нему. Не трудно примѣтить, что во многихъ достойныхъ пастыряхъ это расположеніе получено было вмѣстѣ съ рожденіемъ и укрѣплено было обстоятельствами воспитанія и внѣшней жизни. Кому Промыслъ судилъ родиться отъ родителей духовныхъ, кто съ молокомъ матери всосалъ въ себя любовь къ духовному сану, для того судьба его рожденія и возникшія вслѣдствіе этого склонности не служатъ ли голосомъ, зовущимъ его на служеніе Церкви? или кто былъ воспитанъ подъ сѣнію алтарей, кто наученъ былъ преимущественно тому, что прежде и болѣе, чѣмъ всякому другому, нужно пастырю Церкви, кто чрезъ это самое, быть можетъ безъ своего особеннаго намѣренія, укрѣпилъ въ себѣ расположеніе къ духовному сану; тотъ не долженъ ли читать въ судьбѣ своей духовной жизни опредѣленіе Промысла, указующаго ему иго священства? Кто при всемъ опасеніи принять на себя этотъ санъ не можетъ заглушить въ себѣ безкорыстнаго желанія понести его; тотъ долженъ наконецъ разсудить, что жажда служить Богу Крѣпкому и Живому, поскольку она, укрѣпляясь, пребываетъ чистою и безкорыстною, никѣмъ другимъ не могла быть вложена и укрѣплена, какъ только духомъ благодати, пророчествующей из-

бренныхъ. Напротивъ кто хотя хранить уваженіе къ священному сану, но не чувствуетъ въ себѣ особеннаго влеченія и остается холоднымъ къ нему; кто хотя почитаетъ необходимымъ прибѣгать для своей духовной пользы къ исполнителямъ священныхъ обязанностей, но чтобы понести ихъ самому не находить въ себѣ довольно усердія; кто во внѣшнихъ обстоятельствахъ священнаго званія видитъ множество неприятныхъ для себя затрудненій, а въ лишеніяхъ, съ нимъ сопряженныхъ, множество опасныхъ для себя искушеній; кто съ теченіемъ времени чувствуетъ возрастающее охлажденіе къ священному сану, близкое даже къ отвращенію отъ него, тотъ въ этихъ своихъ чувствованіяхъ долженъ усматривать несомнѣнные признаки не призванія Божія къ этому сану, а отклоненія отъ него. Дѣло дѣлается хорошо тогда только, когда мы имѣемъ къ нему усердіе и любовь. Страшно подумать, чтобы избирающая благодать призвала къ св. служенію такого человѣка, который не чувствуетъ никакого расположенія къ нему, который бы, хотя бы и имѣлъ нужныя способности, но не имѣя усердія и искренней привязанности къ долгу, не восхотѣлъ бы обратить ихъ къ исполненію возложеннаго служенія и содѣлался невѣрнымъ своему призванію. Если вообще, въ нравственной жизни, мы не можемъ что-нибудь *„доброе помыслити отъ себе, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога“*; тѣмъ болѣе доброе желаніе священства должно признать внушеніемъ Промысла, напротивъ врожденное нежеланіе посвятить себя на это служеніе надобно принимать какъ поводъ къ удаленію отъ него. А такъ какъ насъ не рѣдко обманываетъ наше собственное чувство, и мы сами иногда не можемъ дать себѣ отчета, къ чему мы сердечно и твердо расположены; то и склонность къ свящ. сану тогда только можемъ принимать за признакъ призванія свыше, когда твердость и чистота этой склонности утверждается строгостію жизни и чистотою намѣреній, и когда желающій священства сознаетъ въ себѣ необходимыя для того способности и расположенія.

Пастыри Церкви призываются быть блюстителями и служителями храма Божія. Но кто можетъ обитать въ жилищѣ Божіемъ и кто вселится во святую гору Божію? Только *„неповиненъ руками и чистъ сердцемъ“*. Такъ было въ храмѣ Іудейскомъ; тоже требованіе сохранилось и въ Церкви хри-

стианской. Въ древнія времена Церковь отверзала врата святилища своего только для тѣхъ, которые приступали къ свящ. сану въ одеждѣ невинности, пріобрѣтенной въ купели крещенія и еще незапятнанной новыми важными грѣхами. Ея правила не допускали къ свящ. сану людей, имѣвшихъ нужду въ очищеніи. Первенствующіе христіане изумились бы, еслибъ увидѣли возведеннымъ на высоту пастырскаго служенія такого грѣшника, который предъ тѣмъ только проходилъ степени церковнаго покаянія. Хотя древняя строгость избирательныхъ правилъ какъ бы невольно смягчилась подъ тяжестію чрезмѣрнаго бремени грѣховъ, постепенно умножающихся на землѣ; но Церковь не измѣнилась, ея духъ одинъ и тотъ же: она и нынѣ хочетъ, чтобы къ ея святилищу приступала только невинность. Къ этой цѣли направлено постановленіе, чтобы приступающіе къ свящ. сану очистили предварительно грѣхи свои искреннимъ и полнымъ покаяніемъ и тогда только сподоблялись благодати рукоположенія. Если же таково намѣреніе Церкви и Духа благодати, въ ней господствующаго, что только чистый сердцемъ можетъ быть избраннымъ сосудомъ благодати священства, то можетъ ли относить къ себѣ благодатное званіе и избраніе тотъ, кто до того поработился страстямъ, что даже не употребляетъ и усилій освободиться отъ ихъ ига. Кто ощущаетъ въ себѣ желаніе служить Богу, тотъ долженъ испытать сердце свое, далеко ли оно отъ пристрастій земныхъ, *любитъ ли оно приметатися паче въ дому Бога своего, неже жити въ селеніихъ грѣшничихъ.* Священникъ не только долженъ самъ *внйти*, но и другихъ ввести въ небесное Царствіе. Но рабъ плоти и ея похотей можетъ ли работать другому господину и быть руководителемъ ко Христу чадъ благодатной свободы? Испушенія неизбежны для всѣхъ: но можно ли думать, чтобы благодать избрала того, кто падаетъ и не встаетъ? Далѣе, приступающій къ священству долженъ испытать, нѣтъ ли къ исполненію этого желанія его преградъ со стороны міра, свободенъ ли онъ отъ пристрастій къ нему? Здѣсь мы разумѣемъ не только грѣховныя удовольствія, но и всѣ мірскія занятія, несомнѣстимыя съ священствомъ. Чьею душою возобладала склонность къ исключительному занятію какою либо наукою, искусствомъ или промысломъ, хотя и безвредными, но тре-

бующими постояннаго труда; тотъ лучше сдѣлаетъ, если отклонитъ отъ себя служеніе алтарю. Иначе можетъ произойти, что свѣтъ лишится полезнаго дѣятеля по части наукъ, искусствъ или промысла; а дерзновенный, мечтающій совмѣстить занятія разнородныя, по наклонности къ прежнимъ своимъ занятіямъ, неосторожно можетъ принести имъ въ жертву обязанности новыя и важнѣйшія, добровольно на себя принятыя. Но причину такого нестроенія можетъ ли быть Богъ порядка, призывающій къ свящ. служенію? Очевидно, что здѣсь нѣтъ призыванія свыше, а обнаруживаетъ себя непостоянство и своеволие. *„Никтоже, воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ“*: можетъ ли поэтому быть угоднымъ сосудомъ благодати тотъ, кто, желая быть не только воиномъ І. Христа, но и вождемъ воинствующихъ подъ Его знаменемъ, не хочетъ однакоже отрѣшиться отъ пристрастій и суетъ мірскихъ? Можетъ ли относить къ себѣ благодатное призваніе тотъ, кто еще не научился ратоборствовать за самаго себя противъ враговъ истины и спасенія, кто еще не началъ борьбы съ самимъ собою, съ своей грѣховной плотію, съ помыслами гордости и самолюбія? Правда, благодать нерѣдко и сосуды грѣха содѣлывала орудіями правды; но это только съ тѣми могло случиться, которые сами были внимательны къ первымъ дѣйствіямъ предваряющей благодати, сами приложили все стараніе о своемъ нравственномъ измѣненіи. Но услышитъ ли благодатное призваніе тотъ, кто мало или совсѣмъ не обращаетъ вниманія на глубину своего нравственнаго поврежденія? И если такой человекъ приступаетъ къ священству, что здѣсь можно видѣть, кромѣ дерзости и самозванства? *„Мнѣ стыдно, говоритъ св. Григорій Богословъ, за тѣхъ людей, которые, хотя ничѣмъ не лучше прочихъ (если не хуже), съ неумытыми, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами берутся за святѣйшее дѣло и прежде нежели сдѣлались достойными приступити къ священству, врываются въ святилище, тѣсняются и толкаются вокругъ святой трапезы, какъ бы почитая сей санъ не образцомъ добродѣтели, а средствомъ къ пропитанію, не служеніемъ, подлежащимъ отвѣтственности, но начальствомъ, не дающимъ отчета. И такіе люди, скудные благочестіемъ, едвали не многочисленнѣе тѣхъ, надъ кѣмъ они на-*

чальствуютъ“. Изъ этихъ словъ святителя открывается, какъ неправы тѣ люди, которые не отъ чистаго сердца приступаютъ къ священству, но вмѣстѣ и то, что нечистые сердцемъ не могутъ имѣть чистыхъ намѣреній относительно св. служенія, которое такъ дерзко хотятъ себѣ присвоить. Между тѣмъ чистота намѣреній и побужденій есть также одинъ изъ признаковъ призванія къ священному сану.

Чистое намѣреніе есть необходимое условіе для вступленія въ свящ. санъ, но вмѣстѣ и достовѣрное знаменіе, по которому можно узнать, законно ли кто призывается, или незаконно почитаетъ себя призываемымъ къ нему. Но что это за намѣреніе чистое, которое служить ключемъ, отверзающимъ врата святилища? Ищущій священства долженъ искать и желать того же, что имѣлъ въ виду Самъ Пастыреначальникъ Иисусъ: тотъ только есть законный Его служитель, въ комъ мудрствуется тоже „*еже и во Христѣ Иисусѣ*“. Что же было цѣлю пастырскаго служенія Христова? Слава Божія и спасеніе душъ—вотъ единственные предметы, которыми должны воодушевить себя всѣ тѣ, кои хотятъ преемствовать Ему въ части пастырскаго служенія. Всякое другое побужденіе здѣсь есть уже побужденіе преступное. Оно будетъ не только огнемъ чуждымъ, но и богопротивнымъ, принесеннымъ къ алтарю. Желаящему священства тщательнѣе всего должно изслѣдовать, не таятся ли въ его сердцѣ жажда чести или корысти. Тотъ никогда не будетъ Богоизбраннымъ священнослужителемъ, кого влечетъ къ сану не высокая цѣль служенія, а честь, съ нимъ сопряженная. Честолюбивый искатель священнаго сана отображаетъ на себѣ свойство тѣхъ отверженныхъ Богомъ приставниковъ, которые, паче трудовъ своего служенія, возлюбили *предъданія на сонмищахъ и преждевозлежанія на вечеряхъ*. Посему желающій священства, по совѣту Златоуста, прежде всего долженъ обратить вниманіе на то, свободна ли его душа отъ всякой привязанности къ подобнымъ почестямъ. „Должно отвсюду осмотрѣть, говорить онъ, сердце свое, не тлѣетъ ли въ немъ искра честолюбія. Если кто прежде достиженія свящ. сана питаетъ въ себѣ это ужасное и лютое чудовище, то и невозможно и выразить, въ какую онъ ввергаетъ себя печь по достиженіи. Получивъ желаемое, често-

любець возгарается сильнѣйшимъ пламенемъ, и дабы утвердить его за собою, движимый овладѣвшею имъ страстію, рѣшается на тысячу золъ, хотя бы надлежало ласкательствовать или прибѣгнуть къ другому какому вибудь унижительному поступку. Что нѣкоторые честолюбцы, сражаясь за сіе достоинство, наполнили церковь убійствами и испровергли города,—о чемъ я умолчу, дабы кто не подумаль, что говорю невѣроятное. Скажу только, что какъ сребролюбивыя дѣти тяготятся продолжительною страстію своихъ отцовъ, такъ и нѣкоторые изъ такихъ честолюбцевъ, если видятъ, что священство еще надолго должно принадлежать другому, поелику лишать его жизни еще страшатся, то поспѣшаютъ лишить сана; всѣ нетерпѣливо желаютъ занять его мѣсто; каждый ожидаетъ, не падеть ли на него жребій начальства“. Въ этихъ словахъ ясно изображено самозванное и буйное домогательство тѣхъ, которые изъ видовъ честолюбивыхъ ищутъ свящ. сана. Съ другой стороны, есть къ несчастію и такіе искатели свящ. сана, которые только смотрятъ на выгоды его, а не на обязанности, желаютъ въ немъ не блага духовнаго, которое должны преподавать другимъ, а благъ временныхъ, которыя могутъ на св. поприщѣ стяжать для себя. Но если, по суду здраваго разума, много унижаетъ свое призваніе ученый или художникъ, какъ скоро дѣлю своихъ занятій поставляетъ не науку или искусство, а только прибыль, какую можно извлечь изъ нихъ; то, по суду правды Божественной, будетъ ли свышезваннымъ пастыремъ тотъ, кто хотя и удержался отъ святокупства, но приступилъ къ священству единственно только алкая богатства. Пусть Промыслъ допустить недостойнаго къ свящ. сану: но всѣ дѣйствія его настолько унижены корыстолюбіемъ, что будутъ уже не законнымъ служеніемъ, а скорѣе идолослуженіемъ; потому что, по апостолу, самое корыстолюбіе есть идолослуженіе. Кромѣ того Богъ нерѣдко наказываетъ людей чрезъ удовлетвореніе незаконныхъ ихъ желаній. Потому, если Онъ допускаетъ къ священству тѣхъ, кои видятъ въ немъ предметъ корысти, то допускаетъ на пагубу ихъ самихъ.

Впрочемъ только чистоты намѣреній еще недостаточно для того, чтобы удостойться призванія свыше къ свящ. сану, и самое благочестіе не всѣхъ ведетъ къ нему, ибо

много было благочестивыхъ и святыхъ, но не всѣ они были призваны къ священству. Нужна особенная способность къ понесенію пастырскаго ига, чтобы быть избраннымъ къ подъятію его. Таланты отъ Бога: а Богъ раздаетъ ихъ въ различной мѣрѣ, по предначертанію своей мудрости: „*каждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице*“. Отсюда, по различію способностей, различны и служенія, — и Верховная Премудрость расположила ихъ такъ, чтобы привести все во взаимное согласіе и единство. Она украшаетъ силою краснорѣчія тѣхъ, кого хочетъ поставить на свѣщницѣ, чтобы возвѣщали истины спасенія сильнымъ земли. Она подаетъ меньшую силу увлекательности въ словѣ тѣмъ, кого назначаетъ къ безыскусственному наученію людей простыхъ и младенцевъ по вѣрѣ. Она укрѣпляетъ благоразуміемъ и провицательностію тѣхъ, кому особенно поручаетъ судъ, чтобы вязать и рѣшить совѣсти. Она озаряетъ обширнымъ просвѣщеніемъ умъ тѣхъ, которыхъ воздвигаетъ на защиту догматовъ и правилъ вѣры. Она сообщаетъ духъ мудрости и предусмотрительности тѣмъ, кому поручаетъ управленіе обширными и многочисленными частями паствы Христовой. Но кромѣ этихъ частныхъ талантовъ, свойственныхъ различнымъ видамъ служенія пастырскаго, есть другіе болѣе общіе признаки, по которымъ каждый можетъ заключать о своей способности или неспособности къ прохожденію св. служенія. Пастыреначальникъ нашъ, когда положилъ призвать Ап. Петра къ служенію пастырскому, прежде всего хотѣлъ открыть, горитъ ли сердце Апостола нелицемѣрною и твердою любовію къ Нему: „*Симоне Ионинъ, любиши ли Мя?*“ И когда Петръ откровенно и непреложно засвидѣтельствовалъ свою любовь къ Нему, тогда только посвященъ былъ на служеніе пастырское этимъ торжественнымъ возваніемъ — „*наси агныи Моя*“. Почему чье сердце сухо, кто не возрастилъ въ себѣ любви къ Спасителю, крѣпкой „яко смерть“, тотъ долженъ остерегаться, какъ бы желаніемъ и исканіемъ священства не оскорбить Пастыреначальника. Напротивъ, кто прилежно упражняясь въ словѣ Божіемъ, умѣлъ возлюбить вѣстное Божественное Слово; въ чью душу проникло Оно, какъ мечъ, посядающій нечистоту, и какъ лучъ радости и умиленія, освѣщающій и услаждающій въ мрачные часы скорби; кто неоднократно восклицать съ возлю-

бывшимъ Господа Петромъ: „Господи, къ кому ^{идѣть} ^{идѣть}? Глаголы живота вѣчнаго имаши“; кто читалъ сказанія о подвигахъ достойныхъ служителей В. и Н. Завѣта, восторгался желаніемъ идти, для славы Божіей, по слѣдамъ ихъ: тотъ не погрѣшитъ, если эти смиренныя и чистыя чувствованія приметъ, какъ таинственные залого и начатки предварающей и избирающей благодати, какъ предвѣстія своего будущаго призванія и назначенія. Съ другой стороны мѣра любви къ ближнимъ можетъ свидѣтельствовать о способности или неспособности желающаго приступить къ священству. „Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы“. Чѣмъ кто дальше отъ этой рѣшимости, тѣмъ дальше отъ него призваніе Божіе. Всѣ великіе мужи, непосредственно призванные къ пастырскому служенію, были полны самоотверженія для спасенія ближнихъ. „Молилъ быхъ ся азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти“. На эти слова ревнителя о благѣ ближнихъ Св. Златоустъ замѣчаетъ: „кто можетъ произнести эти слова, если чья душа возвысилась до такого желанія, тотъ достоинъ обвиненій, когда убѣгаетъ священства. Но кто далекъ отъ сего совершенства, тотъ заслуживаетъ упреки, если не убѣгаетъ, но вступаетъ на поприще“. Правда примѣръ апостольскаго самоотверженія выходитъ изъ круга для всѣхъ доступнаго подражанія; тѣмъ не менѣе всякій, желающій священства, долженъ быть исполненъ терпѣнія и готовности перенести для славы Божіей и пользы ближнихъ всякую непріятность и тѣсноту. Св. Златоустъ способность къ [священству измѣряетъ готовностію „перенести оскорбленіе, наглуую обиду, язвительное слово, насмѣшки отъ нисшихъ намѣренныя и ненамѣренныя, напрасныя укоризны отъ начальниковъ и подначальныхъ. Какъ на полѣ брани, присовокупляетъ онъ, храбрые вонны и сражаются неустрашимо и падаютъ мужественно: такъ и вступившіе на поприще сего служенія должны и священствовать, и въ случаѣ низверженія нисходить со степени священства съ такимъ расположеніемъ духа, какое прилично христіанамъ, зная, что безвинное низверженіе не меньшій заслуживаетъ вѣнецъ, какъ и исправленіе должности“. Такимъ образомъ тотъ, кто, желая священства, удаляетъ отъ себя мысль о трудахъ и опасностяхъ съ нимъ сопряженныхъ, тотъ мало способенъ къ понесенію его, и слѣд.

мало или вовсе недостойнъ избранія въ этотъ санъ. Напротивъ, кто смотритъ на священство, какъ на опытъ служенія славы Божіей и благу ближнихъ, кто рѣшается на лишенія, чтобы пребыть вѣрнымъ служителемъ Бога Вышняго; тотъ въ этой самой рѣшимости и ревности можетъ открыть себѣ путь Промысла касательно судьбы своей.

Таковы внутренніе признаки призванія свыше къ свящ. сану. По нимъ каждый можетъ узнавать, можетъ ли онъ быть угоднымъ Богу сосудомъ, или долженъ уклоняться отъ даровъ священства. Но надобно признаться, что указанные признаки, при всей своей опредѣленности, не всеми и не всегда вѣрно могутъ быть распознаваемы. Чтобы предохранить себя отъ губельнаго въ подобномъ случаѣ самообольщенія, нужно принять три средства: самоиспытаніе, совѣтъ и молитву. Говоря о самоиспытаніи, мы разумѣемъ здѣсь не то первоначальное самовниманіе, безъ котораго нельзя привести въ сознаніе того, что скользить даже на поверхности нашей души. Когда дѣло касается призванія къ свящ. сану, это минутное и поверхностное обращеніе на себя ни къ чему не приведетъ. Здѣсь нужно самоиспытаніе полное и не кратковременное. Недостаточно будетъ спросить себя, склонно ли сердце наше къ свящ. сану: нужно съ полнымъ и очищеннымъ отъ пристрастій вниманіемъ изслѣдовать, обладаемъ ли мы тѣмъ, что должно влечь насъ на служеніе алтаря, или противъ желанія нашего, нѣтъ ли во внутренней жизни нашей чего такого, что скорѣе должно удалить насъ отъ него. Въ особенности должно здѣсь разоблачить тайную жизнь сердца, чтобы, отклонивъ все постороннія или второстепенныя желанія, изслѣдовать качество коренныхъ его влеченій, открыть, чѣмъ особенно услаждается оно въ обстоятельствахъ пастырскаго служенія. А такъ какъ самыя застарѣлыя склонности сердца, при новыхъ обстоятельствахъ жизни, или вовсе иногда измѣняются, или ослабѣваютъ въ своей энергій; то глубокое испытаніе себя нужно повторить многократно, прежде чѣмъ будетъ сдѣланъ первый шагъ къ служенію пастырскому. Испытаніе единовременное и короткое не можетъ избавлять отъ опасности смѣшать наклонность минутную съ намѣреніемъ крѣпкимъ и прихоть сердца съ твердою рѣшимостію. По этому необходимо снова испытывать себя при всякой внутренней и даже

внѣшней болѣе важной перемѣнѣ въ жизни и не скорбѣтъ о томъ, что такое самоиспытаніе отдалить на нѣсколько времени рѣшеніе участи. Лучше поздно придти къ непреложной цѣли, нежели скорою рѣшительностію подвергнуть себя позднему раскаянію. „Въ такомъ дѣлѣ, какъ священство, и глубокая старость—не долговременная отсрочка, — говоритъ св. Григорій Богословъ. Ибо сѣдина съ благоразуміемъ лучше неопытной юности, разсудительная медлительность—неосмотрительной поспѣшности, кратковременное царствованіе—продолжительнаго мучительства, подобно тому, какъ малая доля драгоценности предпочтительнѣе обладанія многимъ, не имѣющимъ цѣны и прочности, небольшое количество золота многихъ талантовъ свинцу, малый свѣтъ — великой тьмы. Что касается до поспѣшности, поползновенности и излишней ревности, опасно чтобы онѣ не уподобились основанію, положенному на песокъ“. Далѣе, такъ какъ чѣмъ продолжительнѣе будетъ испытывать себя желающій священства, тѣмъ труднѣе будетъ для него избѣгать недоумѣній и сомнѣній касательно своего внутренняго состоянія, которое по своему непостоянству и разнообразію всегда представляетъ новые вопросы къ рѣшенію: то, чтобы избѣгать односторонности или не впасть въ противорѣчія во взглядѣ на себя, ищущій священства, не безъ пользы для себя, можетъ открыть душу свою другому опытному человѣку и просить совѣта касательно своего состоянія. Здѣсь въ особенности нужна осторожность въ выборѣ совѣтника. Легко понять, что въ столь важномъ дѣлѣ, какъ призваніе, не должно совѣтоваться съ лицами, которые заражены духомъ міра. Не слѣдуетъ также довѣрять совѣтамъ тѣхъ, которые отъ своего совѣта ожидаютъ какой либо выгоды. Это послѣднее замѣчаніе нужно помнить даже и въ отношеніи къ родителямъ, не смотря на то, что они по близости и доброжелательству лучшіе совѣтники. Какъ скоро будетъ замѣтно, что въ ихъ внушенія вкрались виды человѣческіе, будетъ неразумно покоряться ихъ совѣтамъ. Какъ вообще, по совѣту Сираха, во всякомъ дѣлѣ, такъ особенно въ отношеніи къ священству, лучше всего просить совѣта у человѣка, который исполненъ страха Господня, облеченъ духомъ благодати, и *„егоже познаемъ соблюдающа заповѣди Господня“*, у человѣка, у котораго благочестіе было бы чуждо лицемѣрія,

ревность умѣряема благоразуміемъ, знаніе подкрѣпляемо опытностію. Избравъ совѣтника, искатель священства долженъ поставить себя въ такое состояніе, чтобы тотъ могъ дать приличный совѣтъ. Для этого надобно открыть предъ нимъ всю душу, всѣ наклонности и способности, все теченіе жизни, всѣ грѣхи и пороки, которые допущены по слабости или злонамѣренности, даже и добрыя дѣла, которыя благодать воспомоществовала совершить, особенныя милости, полученныя отъ Бога, искушенія и страсти, возмущающія душу. Затѣмъ; съ уваженіемъ и довѣренностію надобно слушать совѣты, какіе опытный совѣтникъ найдетъ приличнымъ преподавать.—Но какъ всѣ совѣты человѣческіе, даже самыя мудрыя, всегда ограничены и потому не имѣютъ полной важности, то надобно просить рѣшенія всѣмъ недоумѣніямъ отъ мудрости Божественной. Какъ то состояніе, для котораго каждый рожденъ, извѣстно только Единому Богу, то ожидающій рѣшенія своей участи, долженъ прибѣгнуть къ молитвѣ, чтобы Самъ Онъ рѣшилъ ее какимъ нибудь изъ безчисленныхъ средствъ, которыми Провидѣніе возвѣщаетъ суды свои. Искатель священства долженъ звать къ Нему или съ Давидомъ—*„скажи мнѣ Господи путь, въ оныяже пойду“*, или съ св. Павломъ — *„Господи, что мя хочещи творити“*. Спаситель, намѣреваясь избрать апостоловъ, провелъ всю ночь въ молитвѣ. Всевѣдущій, Онъ не имѣлъ нужды въ молитвенномъ озареніи, но молитвою своею преподавалъ Онъ намъ урокъ, чтобы мы посредствомъ молитвы вопрошали Господа о нашемъ призваніи. Отвѣтъ на подобную молитву, какъ и на всякую другую, конечно, зависитъ отъ силы самой молитвы и отъ свойствъ молитвенника. Бывали примѣры, что Богъ непосредственно и чудесно изрекалъ избраннымъ волю свою, но большею частію Онъ изрекаетъ волю свою естественнымъ и однажды установленнымъ порядкомъ, именно дѣйствіями власти церковной. Здѣсь открываются признаки болѣе ясныя и достовѣрныя призванія свыше къ свящ. сану.

Промыслъ Божій, какъ управляетъ всею вселенной посредствомъ второстепенныхъ причинъ, изрѣдка только употребляя чудеса, такъ дѣйствуетъ въ Церкви своей посредствомъ особенныхъ начальниковъ, коихъ рядъ начался вмѣстѣ съ началомъ, и обнаруживаетъ свое непосредственное и чудо-

дѣйственное вліяніе, только по поводу особенныхъ нуждъ Церкви. Чрезъ посредство главныхъ пастырей Богъ выражаетъ свой голосъ, призывающій того или другого на служеніе Церкви. Средство это употреблялъ Пастыреначальникъ даже и тогда, когда непосредственно изъявлялъ избирательную волю свою. Такъ Павелъ и Варнава были непосредственно избраны Самимъ Богомъ; однакоже Духъ Святой сказалъ прочимъ апостоламъ, чтобы они отдѣлили избранныхъ на дѣло, къ которому они призваны Богомъ. Подъ этимъ отдѣленіемъ мы можемъ разумѣть особенное дѣйствіе со стороны апостоловъ, которое должно было служить свидѣтельствомъ Божественнаго призванія. Точно также и Тимоѳей былъ призванъ по пророчествамъ на немъ сбывшимся; но рукоположенъ былъ Ап. Павломъ. Очевидно, Господь хочетъ, чтобы воля Его для людей, обложенныхъ плотію, открывалась при посредствѣ видимыхъ орудій. Поставляя епископа видимымъ правителемъ Церкви, Господинъ винограда возлагаетъ на него обязанность призывать дѣлателей для обработыванія его,—и выборъ епископа становится выборомъ Божиимъ. Мы въ этомъ можемъ увѣриться, когда обратимъ вниманіе на законность и святость средствъ, употребляемыхъ церковною властію, дабы избрать достойныхъ дѣлателей и известить ихъ на жатву Божию. Однимъ изъ главныхъ средствъ къ узнанію воли Божественной о томъ или другомъ лицѣ издревле былъ жребій. Древность избирать по жребію восходитъ къ раннимъ временамъ церкви В.-Завѣтной, гдѣ многіе великіе мужи избраны были такимъ способомъ на поприще своего великаго служенія. Оттуда этотъ обычай перешелъ и въ Церковь христіанскую, въ самомъ началѣ которой апостолы, на мѣсто Іуды предателя, избрали по жребію Матѳея, но такъ, что это избраніе было чисто Божественное дѣйствіе. Примѣръ этотъ повторялся и въ послѣдующія времена. Избраніе по жребію совершалось такимъ образомъ. Писали нѣсколько именъ на билетахъ, по числу лицъ имѣющихся въ виду; лоскутки эти полагали подъ престолъ на все продолженіе литургіи, по окончаніи которой брали ихъ оттуда, полагали въ сосудъ и рука мальчика вынимала одно имя: это имя указывало на того, кого послѣ всего признавали всѣ угоднымъ Богу и достойнымъ призванія. Святость такого способа избранія не подлежитъ

сомнѣнію: ибо нерѣдко онъ указуемъ былъ самимъ Богомъ для рѣшенія недоумѣній. Такъ Богъ повелѣлъ по жребію избрать Саула на царство, между тѣмъ какъ еще прежде указалъ его Самуилу: очевидно, жребіемъ Богъ хотѣлъ показать, что избраніе Саула было дѣломъ Промысла, а не произвола человѣческаго. Какъ въ рунѣ Господней жребіи всякаго человѣка, то и избраніе по жребію всегда признавалось дѣломъ особеннаго промышленія Божественнаго. Спросить: почему жребіи нынѣ мало употребителенъ? Причина въ томъ, что, если онъ безъ разбору будетъ употребляемъ, могъ бы открыть путь суевѣрію и ошибкамъ. Если бы священство всегда доставалось по жребію, тогда бы всѣ желающіе священства болѣе бы стали надѣяться на удачу и мало бы заботились о надлежащемъ приготовленіи къ сану. Съ другой стороны, если бы всѣ желающіе были допускаемы къ жребію, то очень могло бы случиться, что вмѣшались бы въ это дѣло многіе, совсѣмъ недостойныя участія. Но какъ необдуманность въ дѣйствіяхъ часто сама себя наказываетъ, то и беспорядочное допущеніе къ жребію, легко бы могло оканчиваться тѣмъ, что жребіи падалъ бы на недостойныхъ. Такимъ образомъ чистое и богоугодное средство могло бы содѣлаться, при неосторожности и неблагоразуміи, ошибочнымъ и богопротивнымъ. Апостолы, избравшіе Матѳію по жребію, поставили первыхъ діаконовъ на другомъ основаніи. Жребіи признаются необходимымъ и богоугоднымъ только тамъ, гдѣ нѣтъ другихъ способовъ узнать, на комъ почило избраніе свыше. Какіе же здѣсь могутъ быть другіе способы? Общимъ, вполне сохранившимся средствомъ къ тому, служить испытаніе избираемыхъ къ свящ. должностямъ въ вѣрѣ и православіи. Издревле ищущіе священства частію подавали о своей вѣрѣ открытыя свидѣтельства, частію должны были отвѣчать на предлагаемые имъ вопросы. Кароагенскій IV соборъ даже предписалъ правила для испытанія избираемаго къ епископству: оно должно было производиться по вопросамъ, касающимся до символа вѣры, или служащимъ къ опроверженію болѣе извѣстныхъ ересей, или вновь возникающихъ, или уже распространившихся въ Церкви. Испытывали также готовящагося къ священству, хорошо ли знаетъ онъ Законъ Божій, способенъ ли толковать Св. Писаніе и свѣдуещъ ли въ церковномъ законоположеніи. Нечего

распространяться, что тѣже самые виды испытанія ищущихъ священства продолжаются и до нынѣ. Нравственность избираемыхъ также издревле была предметомъ тщательныхъ изысканій. Строгость, съ какою старались узнавать нравственность ихъ, видна изъ того, что какъ скоро пастыри сами не имѣли средствъ узнать жизнь ищущихъ священства, обращались къ совѣту и отзыву мірянъ. И вотъ причина, почему издревле всѣ члены Церкви допускаются къ выбору новыхъ священнослужителей. Гласъ народа — гласъ Божій: посему тотъ, кто избирается цѣлою паствою, утверждается призваніемъ свыше. Ибо въ самомъ дѣлѣ трудно усумниться, чтбы тотъ не былъ достоинъ по жизни священнаго сана, кто одобряется всѣми, знающими его жизнь. Способъ избранія по голосамъ столько важенъ и надеженъ, что даже римскій императоръ Александръ Северъ, не смотря на то что былъ язычникъ, похвалялъ его и принялъ для себя въ руководство при избраніи гражданскихъ (чиновниковъ къ государственнымъ должностямъ. Впрочемъ, хотя одобреніе отъ паствы можетъ служить признакомъ призванія свыше, но только въ совокупности съ другими болѣе уважительными признаками. Объ этомъ св. Златоустъ разсуждаетъ такъ: „тотъ, кто намѣревается представить человѣка, достойнаго священства, не долженъ полагаться на одни только отзывы народа, но прежде всего долженъ удостовѣриться въ способностяхъ. Хотя блаж. Павелъ и говоритъ: *„подобааетъ ему (епископу или священнику) и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ“*, но этимъ онъ не отвергаетъ нужды въ строгомъ и вѣрномъ испытаніи, и не поставляетъ это свидѣтельство главнѣйшимъ признакомъ достоинства избираемаго. Предварительно сказавъ о многихъ другихъ признакахъ, напоследокъ присовокупляетъ и сей, показывая тѣмъ, что въ избраніи не должно ограничиваться симъ однимъ признакомъ, но руководствоваться имъ въ совокупности съ другими. Поелику мнѣніе толпы часто обманчиво, то нужно прибѣгнуть къ безпристрастному испытанію, чтобы отклонить обманъ. Посему послѣ всего другого упоминаетъ и о свидѣтельствѣ отъ внѣшнихъ. Не просто сказалъ: „подобааетъ ему свидѣтельство добро имѣти“; но прибавляетъ— „и“—(и свидѣтельство); съ тою цѣлію, чтобы показать, что свидѣтельство внѣшнихъ должно предшествовать строгому испытанію“.

Вотъ внутреннія и внѣшнія основанія, по которымъ каждый можетъ заключать о своемъ призваніи къ свящ. сану. Кто съ одной стороны въ свидѣтельствѣ собственной совѣсти, въ размышленіи о своей жизни, въ совѣтахъ опытнаго руководителя; съ другой въ выборѣ власти церковной, дѣйствующей на основаніи древняго богоутвержденнаго законоположенія, слышитъ голосъ призывающей благодати; тотъ съ смиреніемъ, готовностію и довѣренностію долженъ отвѣтствовать на голосъ призыванія словами Исаи: „*Се азъ, Господи, послушай мя*“. Но кто воспротивится этому гласу, тотъ прямо обнаружитъ дерзость возбранять Богу въ раздаяніи дара пастырскаго служенія и подвергается опасности навлечь на себя праведный гнѣвъ Его. Въ такомъ случаѣ и страхъ трудностей не послужитъ къ оправданію: ибо благодать не одно возлагаетъ бремя, но и подаетъ силы къ понесенію его. Она требуетъ довѣренности къ себѣ, и потомъ все устроится ко благу. Заключимъ изслѣдованіе наше прекраснымъ рассказомъ св. Григорія Богослова о томъ, что онъ чувствовалъ и какъ поступилъ, когда свѣше былъ призванъ къ пастырскому служенію. Онъ говоритъ: „Долго боролся я съ мыслями, придумывая какъ поступить и находясь между двумя страхами, изъ которыхъ одинъ принуждалъ меня оставаться внизу, а другой—идти вверхъ. Послѣ многихъ недоумѣній, перевѣсиваясь на ту и другую сторону, или подобно струѣ, гонимой противными вѣтрами, склоняясь туда и сюда, наконецъ уступилъ я сильнѣйшему: меня побѣдилъ и увлекъ страхъ сказаться непокорнымъ. И посмотрите, какъ прямо и вѣрно держусь я сихъ страховъ, не домогаясь начальства не даннаго и не отвергая даннаго. Ибо первое означало бы дерзость, послѣднее непокорность, а то и другое вмѣстѣ невѣжество. Я соблюдаю средину между слишкомъ дерзновенными и между слишкомъ боязливыми: я боязливѣе тѣхъ, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннѣе тѣхъ, которые всякаго убѣгаютъ. Такъ я разумѣю дѣло сіе и выражусь еще яснѣе: противъ страха быть начальникомъ подаетъ помощь законъ благопокорности; потому что Богъ вознаграждаетъ вѣру и дѣлаетъ совершеннымъ начальникомъ того, кто на Него уповаетъ и въ Немъ полагаетъ всѣ надежды. Но не знаю, какое слово внушитъ упованіе въ случаѣ непокорности. Ибо опасно, чтобы намъ

о ввѣряемыхъ нашему попеченію не услышать слѣдующее: „*Души ихъ отъ рукъ вашихъ взычу*“. Какъ всѣ отверглися Меня и не захотѣли быть вождями и начальниками народа моего: такъ и Я отвергнусь васъ и не буду вашимъ Царемъ. Какъ вы не послушали гласа моего, но презрительно обратили ко Мнѣ хребеть и не повиновались, такъ будетъ и вамъ: когда призовете Меня, не презрю на вашу молитву и не услышу ея. Да не придетъ на васъ такой приговоръ Праведнаго Судии, которому воспѣваемъ милость, но воспѣваемъ конечно и судъ. Отъ таковыхъ размышленій душа моя понемногу уступаетъ и смягчается какъ желѣзо; въ помощники симъ размысленіямъ я беру время и въ совѣтники—Божіи оправданія. Посему не противлю, не противоглаголю (слова моего Владыки, не къ начальствованію призываемаго, но яко овча на заколеніе ведомаго) подклоняюсь и смиряюсь подъ крѣпкую руку Божію. Я умолкалъ, но не всегда буду молчать; удалился не на долго, сколько было нужно, чтобы разсмотрѣть себя и доставить себѣ утѣшеніе въ скорби, но теперь готовъ возносить его въ церкви людстей и восхвалять на сѣдалищи старецъ. Если за первое должно осуждать, то за другое можно извинить“.

Сергій, Митрополитъ Московскій.
